

Я сучка, столичная штучка

Автор:

Яна Егорова

Я сучка, столичная штучка

Яна Егорова

Любовь для девушек за... #8

Полина Громова, коренная москвичка, примерная девушка и экономист в московском офисе Овчинниковского мясокомбината. После гибели родителей знакомится с молодым и перспективным Антоном из Ульяновска, но спустя несколько лет совместной жизни, внезапно узнает о своей смертельной болезни. Медик утверждает, жить осталось ей не более года. Гражданский муж утешает ее как может и под шумок уговаривает переписать московскую жилплощадь на него. Девушка почти соглашается, пока ей случайно не становится известно, что Антон ей не только изменяет, но и планирует поселиться в этой квартире вместе со своей любовницей. После ночи горьких слез, в голове Поли рождается план жестокой мести – она ударит по самому больному, соблазнит и выйдет замуж за владельца мясокомбината, где они оба работают, ведь бизнесмен Овчинников - кумир Антона. Но кто бы мог предположить, насколько на самом деле грандиозной и беспощадной была афера красавца Антона.

[i]В книге присутствует нецензурная брань![/i]

Яна Егорова

Я сучка, столичная штучка

Предисловие

В розовые лабутены обутая, ступаю по чистому кафельному полу Овчинниковского мясокомбината. За один из двенадцатисантиметровых каблучков зацепился розовый свежееиспользованный презерватив, но под пышной юбкой свадебного платья, в котором я похожа на белый торт, этого никто не видит. Об этом знаю только я. И платье за тринадцать миллионов рублей. Платье нежное, режет глаз контрастом на фоне машин, ежедневно обрабатывающих тонны мяса и крови. Лиф в форме сердечка, тонкое кружево, тюльмарин и кружевные аппликации. Мне осталось идти около тридцати метров до того места, где меня ждет стол брачного регистратора, собственно, сам брачный регистратор (мужчина преклонных лет, нервно стреляющий глазами по сторонам), свидетели, мой бывший гражданский муж с перевязанной, пробитой головой и мой жених – самый главный бабник, алкоголик и наркоман нашей любимой столицы на семи холмах. Родственников нет. Вместо них толпа журналистов, которым интересно запечатлеть самую невероятную свадьбу года, ведь шли мы к ней чуть больше месяца, а шуму наделали на столетие вперед.

Иду и прямо представляю себе героинь популярных сказок за спинами этих упырей. Скарлетт О'Хара, чтобы сказала она? Именно о моей проблеме она не отважилась бы подумать ни завтра, ни когда-либо еще. Героиня романа непобедимой Джейн Остин, Элизабет Беннет, утонула бы в философских размышлениях о том, как это смогла примерная дочь, коренная москвичка, молодая женщина с двумя высшими образованиями, дойти до кровавой мести бывшему гражданскому мужу. Прямо вижу их, этих достойных красавиц, сочувствующе смотрящих на мужиков, что застыли в конце моего пути и на меня, ту развратную сучку, столичную штучку, в которую я превратилась в считанные часы, после того, как узнала об изменах мужа и о смертельной болезни, которую он мне «подарил», в надежде отжать мою московскую квартиру...

Глава 1

– Это... что?

На лице Овчинникова Григория Александровича растеклась удивленная гримаса. Кончиком золотой ручки с впечатляющим своим размером бриллиантом на ее

конце, он подцепил то, что я только что положила на его стол, поднял повыше, чтобы разглядеть кружевное изделие в деталях. Это были трусики. Дорогие женские трусики красного цвета, которые я приобрела по совету главного модника нашего офиса – Вадика Нечаева.

Отвлечемся. Вадик. Мужчина, если его можно так назвать, знающий о моде все. Он работает вместе с нами в московском офисе Овчинниковского мясокомбината и является главным разработчиком всех рекламных компаний. В последнее время Вадик взял моду являться на работу на каблуках. Слизал идею у какого-то му... чудака из сети, который заявил, что так к нему удача больше липнет. Мужик тот, вроде как, традиционной ориентации, а вот наш Вадик нетрадиционный с ног до головы и все об этом знают. Не пристают, а наоборот, уважают и ценят безмерно. Он хоть и с придурковатостью в башке(придурковатость к ориентации не имеет отношения, черта эта скорее наследственная и влияет совсем на иные оттенки его сложной натуры), но башка эта варит и приносит огромные прибыли мясокомбинату, за что великий Овчинников, владелец предприятия, взял того под свою опеку. Не в том смысле, в котором подумали вы и все мои коллеги поначалу. Как только подумали и высказали, первая тройка словоохотливых мужланов была уволена без объяснений, причем с разного уровня постов. После этого наши парни заткнули свои ухмылочки подальше и стараются к Вадику либо с симпатией, либо просто не подходить, если уж так чешется. С нашим Овчинниковым в этом плане лучше не сталкиваться – он мужик непредсказуемый и связей у него много, мясо-то столичные чиновники и бизнесмены очень любят.

Так вот, Вадик. Его ногти всегда блестят новейшим маникюром, стоимость которого может достигать моей зарплаты за месяц. При этом, если смотреть на парня до пояса и не видеть его рук и ног – влюбиться можно. Красавчик с шелковыми волосами оттенка темного шоколада и аккуратной бородой, за формой которой пристально следят столичные барбершопы. Он носит исключительно за пределами дорогие деловые костюмы, всегда одет с иголки и, если бы не детали, которые некоторых клиенток сначала доводят до обморока, а потом заставляют поклоняться Вадику, словно он был бы богом, и брать его в лучшие подружки. Он в секунду располагает к себе столичных барби и бизнесвумен, мужики же с ним обожают работать по причине полного отсутствия конкуренции перед женщинами. Хотя в баню не зовут никогда.

По причине всего вышеназванного, Нечаев для меня всегда был недостижим, кто я для него? Работница бухгалтерии на Овчинниковском мясокомбинате? Серая

мышь с двумя высшими образованиями? Он бы никогда со мной даже не заговорил, но сумочка от Гуччи, на которую я ухнула приличную часть своих сбережений и только что презентовала ему, сломала все стены, и Вадик снизошел до разговора с мышью.

– Детка, ты сейчас не шутишь? Я не ослышался? – манерно спросил он, когда для беседы уединился со мной в дамской комнате (в мужскую ему давно вход заказан). Нечаев приложил палец с длинным ногтем, покрытым коричневой шерстью (последний писк – шерстяные когти и, разумеется, Вадик в числе первых обладателей) к нижней губе.

– Не ослышался.

– А-ха-ха!!! – расхохотался Вадик, запрокинув голову. Я с непроницаемым лицом смотрела на него снизу вверх. Мужик выше метра восемьдесят, стоит на лабутенах и ржет. Наконец, он захлопнулся и откашлявшись, посмотрел на меня. Карие глаза блеснули азартом. – Так. Еще раз уточню. Ты... ты, – он ткнул пальцем в меня, – просишь меня помочь тебе соблазнить и женить на себе Овчинникова? Нашего мужлана, который ни одной юбки не пропустил, пьет и курит все, что попадется на пути, а охотниц за состояниями пачками перевязывает ленточками и отправляет в пользование дорогим друзьям?

– Да, – моя больная голова совершила исторический кивок.

С которого, собственно, все и началось.

– Ты серьезно, детка? – ухмыльнулся драгоценный эксперт по рекламе.

– Сумочка от Гуччи на мою зарплату недостаточный аргумент?

– Достаточный, – загорелись карие глаза, которые, если бы он был мужиком в прямом смысле, разбили бы тысячи женских сердец. – Хм... Но я хочу знать, зачем тебе это. Иначе не помогу. Рассказывай!

Мне нечего было скрывать. Некуда больше бежать и куда-то стремиться. У меня в этой недолгой жизни осталась лишь одна цель...

– Все просто. Антон мне изменяет.

– Не беда, в Москве все всем изменяют, Америку ты мне не открыла.

– Антон мне изменяет. Живет в моей квартире. Неделю назад врачи диагностировали у меня рак мозга и сказали, что мне остался максимум год, – я говорила отстраненно.

Выплакала уже все, что могла. Теперь во мне жила только злость. Точнее, именно злость и жажда мести заставляет меня жить.

– Вчера я узнала, что мой гражданский муж мне изменяет, в это же время он уговаривает меня переписать на него квартиру, а сам собирается поселиться в ней со своей любовницей. Еще до моей смерти.

– Антон... Антон... Ты говоришь об Энтони? Нашем красавчике из Ульяновска? Умничке с красивой попкой из отдела продаж? – брови, причесанные по всем правилам современного гламурного макияжа, взметнулись вверх.

– О нем. Антон Горошин.

– А разве он женат? Я думал, он свободен. И Лерка, специалист по качеству колбасок, тоже так думает! Вот шалун!

– Не думает, именно с ней он...

– Ладно! Ты не шутишь? Нет, судя по тебе, не шутишь... – Вадик постучал волосатыми ногтями по керамической столешнице со встроенной раковиной. – Что ж, детка. Плакать я с тобой не буду. Но тебе удалось затронуть душу Вадика Нечаева, а это редко кому удается. Я люблю красивых мальчиков и не люблю некрасивых девочек, но даже для меня это неприемлемо! А еще, лапа, я люблю умных. А у тебя с этим делом, не смотря на опухоль, похоже все о'кей. Ты правильно сообразила, Энтони боготворит нашего Овчинникова и во всем на него равняется. Если ты выйдешь замуж за Гришу...

– Гришу?

– Ну, Григория Александровича. Для меня он уже давно Гриша, это для вас, для всех, по имени и отчеству. Короче. Все будет оки-чпоки, ты, главное, слушай меня. А я и слона в бабочку превращу. Сколько, говоришь, у нас есть времени?

– У нас его нет. До года – это если повезет, а так, со дня на день.

– Оу... так это еще лучше! Прекрасно! Я обожаю дедлайны, так нервишки щекочет! Тогда слушай меня, детка. Сейчас мы отправляемся в один бутик...

Я согласилась на все. Взяла огромный кредит под квартиру, мне не ради кого жить, родители погибли, детей нет. По этой причине мы с Вадиком ни в чем себе не отказывали. Знала бы я, что несколько поспешила со своим смелым решением. Узнаю. Много позже. А сейчас я сижу в кабинете Овчинникова. На мне жутко короткое красное платье, когда садишься, ощущение, что это майка («лук», макияж и прическу контролировал Вадик). Туфли, не лабутены, но тоже на высоком каблуке, я с трудом доковыляла из бухгалтерии до сюда. Лифчика нет. Трусики теперь тоже. Они зацепились за бриллиант на ручке нашего шефа, которого, как сказал Вадик, боготворит мой Антон. Фотография босса у моего гражданского мужа в телефоне, на десктопе компьютера и дома, и в офисе. Портрет Овчинникова в моей спальне, как портрет президента. Иногда мне даже кажется, что Антон, когда я не вижу, кланяется этому портрету и разговаривает с ним. И если дать ему волю, будет спать с этим портретом, как с плюшевым мишкой.

Овчинников, безусловно, персона приметная. Мужик за сорок, которому вдруг пришло в голову заняться спортом и помолодеть. Знаете таких? Именно, похудел, часто не бреется (как теперь модно), волосы зачесывает назад, одновременно с этим постоянно пьет и курит. Свой канал в сетях завел. Зубы вставил за полмиллиона долларов. Лапает в офисе всех. Вообще всех! Об женщин в буквальном смысле ноги вытирает, а они и готовы, потому что денег у него так много, что он мог бы с легкостью купить, не думая, пару районов в Москве. Да он это и сделал. Ему никто не нужен, он никого не видит и не собирается жениться, а ведь я явилась к нему именно за этим. И надежды на успех могло бы не быть, если бы не умные советы Вадика.

– Я вижу, что трусики, – проворчал недовольно Овчинников, покрутив ими в воздухе. – Я не об этом.

- Если не об этом – это мой аргумент. Доказательство того, что я готова идти до конца.

- Послушай, как тебя там, Маша...

- Полина. Громова.

- Хорошо, Ксюша. Слушай меня сюда. На кой хрен ты мне сдалась? Трахнуть тебя... Можно. Но жениться? Какой мой интерес? Мсти своему, как его...

- Антону, – подсказала терпеливо.

- Тоже неважно, – махнул предприниматель на меня рукой, с трудом оторвавшейся от стола, из-за непомерного количества драгоценного железа и камней на ней. – Ты говоришь, что я могу тебя трахнуть, потому что ты жена моего сотрудника. О'кей. Попка у тебя ничего, и я всегда «за» потрахаться. Но жениться? У тебя с головой все нормально?

«Не вздумай Овчинникову плакаться про свою болячку, не оценит. Еще хуже, у него все упадет, потом в жизни не поднимется. Помни о возрасте!» – я не забыла главный совет Вадика, поэтому продолжила дальше, согласно нашему с ним плану:

- Я предлагаю вам, Гриша, – в этот момент я немного наклонила корпус в его сторону так, чтобы стали видны сиськи и расставила ноги, чтобы были видны не только сиськи, – трахнуть меня прямо здесь и сейчас. После чего вы составите список требований к образу женщины, которая может стать вашей женой. Я выполню все пункты и после последнего – вы женитесь на мне. Рассматривайте это как игру с живым подопытным кроликом. Вы сможете надо мной измываться, как только вашей душе угодно. Не волнуйтесь, мне этот брак необходим всего лишь на год. Я подпишу все бумаги – отказ от вашего имущества и любых претензий. После свадьбы я переезжаю к вам. Могу жить в комнате для домработницы, только вы этот год трахаетесь с другими так, чтобы Горошин об этом не знал и пребывал в уверенности, что вы на самом деле влюбились. Через год мы расстаемся и забываем друг о друге. Вы только подумайте, Гриша. Я выполню любые ваши капризы! Без ограничений. Какое развлечение! Никому из ваших друзей никто этого не предложит. Обычный секс, он у вас и так есть.

– Что, – мужик мне явно не поверил, но глаза его уже достаточно плотоядно разгуливали по моему декольте, и особенно старались не смотреть туда, где на мне не было трусиков, – прямо все-все готова выполнить?

– Любой каприз...

Откуда что берется? Я поднялась с кресла и на шпильках, на которых еще с минуту назад не могла нормально устоять, маняще виляя бедрами, обошла его стол и приблизилась к опупевшему Овчинникову. Адреналин играл на моих венах, как на струнах электрогитары. Взяла его руку, свободную от ручки и моих трусиков, положила к себе на попу. Поскольку, удерживала ладонь на своей филейной части, сжала ее, заставив и его сжать свою. У Гриши выделилась слюна, как у собаки Павлова. Кость с куском мяса прибыла, дамы и господа. Пора жрать!

А спустя минуту, моя юбка оказалась на моей же талии. Овчинников заставил меня упереться локтями в его стол и беззастенчиво взял прямо в своем кабинете, дверь в который была не заперта на ключ. Вчерашняя серая мышь получила свое и даже больше.

Во-первых, получила первое освобождение. Я ни с кем, кроме Антона, не занималась сексом. Если не считать глупой потери девственности. Ага, Полина Громова действительно тихоня. Меня любили родители и папа учил с уважением относиться к себе. И так все и было, пока не встретила Горошина.

Во-вторых, этим сексом на столе мы подписали наше соглашение. Я поступила в рабыни к Овчинникову и, если осилю, выйду за него замуж. С помпой. Он сомневается? Зря. Просто он не знает, что терять мне уже нечего.

Стыд? Карьера? Достоинство? Что? Возможно, уже завтра меня не станет и единственное, о чем я буду сожалеть, это о том, что не отомстила Антону.

Которого я все еще люблю.

И, в-третьих, сотрясая стол и пол в кабинете Овчинникова, неожиданно для себя я узнала, что женщина тоже может получить удовольствие от этого и... в какой-то неуловимый момент серая мышь превратилась в беспринципную сучку. Мне больше не для чего беречь это бесполезное молодое тело. Мне не стать

матерью, не стать счастливой женой, какой когда-то стала моя мама, а об участии бабушки я уже и не говорю. Это тело в этой жизни сыграет последнюю и, пожалуй, самую главную роль, оно станет орудием мести. Мощным, непобедимым орудием, которое не сломается ни перед чем! Слез не было. Как посоветовал Вадик, я отбросила все. Послала свою жизнь к черту и сконцентрировалась на цели. И, к своему удивлению, начала получать удовольствие. Напоследок.

Овчинников, почувствовав мое тело в своих руках, лихо развернул меня к себе задом и задрал юбку. Провел рукой по ничем не защищенной впадинке меж моих ягодиц, смело предоставленных для его удовольствия, и скользнул опытным пальцем внутрь, мгновенно именно там повысив градус и увеличив влажность в несколько раз. Я даже не заметила, в какой момент он успел надеть презерватив, а тем более, откуда он его достал, как Григорий уже вбил свою возбужденную наглость в тело подчиненной. Его ладонь опустилась на мою спину, заставив меня прогнуться, словно перевозбужденную кошку, которую внезапно и прямо на краю крыше настиг беспринципный взъерошенный кот. Я вцепилась пальцами в документы на его столе и смяла их, изнывая от блаженства, от того, насколько уверенно его руки удерживали меня за талию. От того, какими сильными были толчки. Казалось, его ничто на свете не интересовало, и войди сюда сейчас кто угодно, он бы не остановился. С каждым следующим ударом его бедер о мои ягодицы меня накрывало волной легкости, я радовалась освобождению от глупых моральных принципов, которые, по сути, не дают человеку ничего. Раньше я всегда боялась изменить, боялась своих скрытых желаний, была уверена, что так поступают лишь продажные женщины. Настоящие, вульгарные сучки. Ведь я не такая. Я из хорошей семьи, с образованием. Хорошая девочка.

Хорошая девочка, которую предали! Хорошая девочка, которая, в скором, вышла из кабинета начальника той самой сучкой, в которой кипело намерение, ради своей цели, перевоплотиться в столичную штучку.

Глава 2

– Город на семи холмах утонул в закате и в романтических признаниях. В Москве семь часов вечера, у нас с вами прекрасное настроение и...

– Да заткнешься ты уже или нет?!! – я долбанула несколько раз по панели и навязчивое радио выключилось. – Придурок! Какое, еб твою мать, хорошее настроение?!! Посмотрела бы я на тебя, если бы это тебе в двадцать восемь лет сообщили, что ты скоро умрешь! Если бы это тебе изменил твой любимый человек! И если бы тебя...

Истерика, вроде как притихшая вчера утром, вновь накрыла меня с макушкой и заставила забыть о том, где нахожусь и что ору не на живого человека, а на собственную служебную машину. Встала я на светофоре и врубила аварийки – пусть объезжают, нет у меня сил ехать дальше! Надо как-то вернуться домой и усиленно делать вид, что ничего не произошло. А сил уже нет. Господи, появилась бы причина, чтобы мне куда-нибудь исчезнуть этим вечером!!! Сложив руки на руле, уткнула в них лоб и позволила себе все отпустить.

Восьмой день. Пошел восьмой день с тех пор, как я на негнущихся ногах и ведомая Антоном под локоток, вышла из частной клиники с диагнозом «опухоль мозга». А все началось с обычной головной боли. Я жаловалась на нее периодически, ходила к своему терапевту, он мне все твердил про сидячую работу, нерв в спине и отказывался искать дальше. Горошин пожалел меня и записал на дорогущий визит в частную клинику к столичному светиле. Меня осмотрели, взяли анализы и... через несколько дней сообщили неутешительный вердикт. Я думала, мой мир рухнул. Прожила все эти дни в полнейшем тумане, не понимая, что происходит. Ведь по ощущениям у меня ничего особо не болит. Нет тошноты, головокружений. Голова болит, в правом ухе закладывает – это все. Врач обещал, что это только начало и с каждым днем теперь боль будет усиливаться. Не обманул. Голова действительно болит. Она стала болеть гораздо сильнее после того, как я, случайно пробегая по коридору мимо отдела менеджеров, услышала голос Антона. Моего Антона. Последние дни, после клиники, он был очень внимателен ко мне. Готовил завтраки и ужины, следил за моим настроением, дарил каждый день цветы. За всей этой заботой я вяло слушала его мудрые советы, что я должна подумать о том, что будет после... После моей скорой смерти. Надо сделать то и это, оформить бумаги, позаботиться о месте на кладбище, подумать о нем... он предложил переписать на него мою квартиру, в которую переехал ко мне на следующий же день после гибели моих родителей. Я не протестовала. Антон приехал в Москву из Ульяновска, всегда говорил, что его родители весьма состоятельные, но он решил заработать свой капитал самостоятельно. Мы познакомились в офисе Овчинникова и с тех пор не расставались. Я влюбилась без памяти, ведь в Антона невозможно не влюбиться. Он очень красив, строен и умен. Пусть он и среднего роста, но телосложение у него то самое. Я про кубики. Русые

кучерявые волосы, выразительные светлые глаза и соблазнительные, довольно крупные губы, которые я так любила целовать. Как недавно выяснилось, не только я. Горошин немного старше меня, всего на пару лет, забежал как-то к нам в бухгалтерию и сделал мне комплимент. Так все и завертелось.

Я в общем-то никогда и не гналась за красавчиками. Сама чуть выше метр шестьдесят, худая как палка, с короткой стрижкой. Мама привила мне скромность в одежде, именно поэтому, в метро об меня частенько спотыкаются. Поправка, раньше спотыкались. Конечно, почувствовать себя любимой парнем мечты было для меня равно сказке, тем более после того, как на целом свете осталась одна. Единственным минусом Антона было – он не хотел детей. По крайней мере, от меня. И презервативами никогда не пользовался. Что я только не делала с собой ради него. И таблетки, и спираль, сколько было кровотечений и госпитализаций, проблем и болей.

И вот. Я случайно иду по коридору, думаю о том, что это один из последних моих рабочих дней, радуюсь, что рядом со мной мой любимый, как вдруг из-за неприкрытой до конца двери кабинета той самой Леры, слышу голос Антона. Я бы не остановилась и не подслушивала, если бы не его интонация. И мое имя.

– Лерка, все почти улажено. Полинка вся в мыслях о смерти, со дня на день перепишет на меня квартиру, и я ее вышвырну на улицу. Ты подумай только, трешка в районе Проспекта Мира! Не зря же я ее терпел несколько лет. Потом родишь мне и заживем!

– Антошка, это все замечательно, но я хочу свадьбу...

– Киса, кольцо у тебя на пальчике. Подожди немного, квартиру добуду и женюсь. А пока выбирай платье!

Ох... Как же я кричала! Нет, не на него. Тем же вечером у своей подружки дома. Ему я не сказала ничего, мне нужно было как-то собраться с мыслями. Добила его хладнокровная жестокость! Отобрать у меня квартиру и выставить на улицу, даже не дожидаясь моей смерти!!! Я, наивная дура, думала, что он меня любит, но как же ошибалась.

– Галя! Галька, ты представляешь себе?!! – рыдала у подружки на кухне.

Она меня успокаивала. Как могла. Мы вместе выпили и покурили, легче стало только после первой бутылки водки на двоих. Мы обе вышли на балкон и, глядя на ночную столицу, придумали план.

- А почему именно Лерка? - спросила Галья, затягиваясь сигаретой.

Галья, в отличие от меня, статная брюнетка с чувственной грудью и тонкой талией, вот уж об кого никогда и никто в метро не спотыкался. Да она и не ездит на метро, исключительно на машине, которую ей презентовал очередной любовник. В чем-то я ей завидую. В хитрости или в уверенности, бог его знает. Но не смотря на всю свою привлекательность, Галья всегда была самой верной подругой, которая никогда меня не бросала.

- Кто ее знает, - я тоже затянулась и выпустила белый дым в холодный сентябрьский воздух.

Спяну померещилось, что удалось сделать колечко, в него я ткнула пальцем и не попала.

- Лерка раньше пользовалась особым расположением Овчинникова. Можно сказать, его любимая любовница. Антон его боготворит, обвешал мою квартиру портретами босса. До туалета даже добрался.

- Че, сидишь на унитазах и тарачишься на хозяина мясокомбината? - хихикнула подруга.

- Ага, представляешь?

Мы помолчали. Моя душа требовала мести. Было очень больно не в голове, а в сердце. Как он мог так со мной поступить, ведь я помогала ему?! Приехал он в Москву абсолютным деревенским парнем. Я научила его одеваться, с достоинством вести себя в ресторанах, дала прописку...

- Ну, что? У тебя только один вариант. Соблазни Овчинникова.

- Пф... кто его только в нашей фирме не соблазнял. Не новость, этим Антона не удивишь.

- Ну, тогда жени его на себе! Какие дела? Тебе же все равно терять нечего.

Мне в тот момент не показалось ее предложение абсурдным. Мы напились и уже не особо контролировали себя. Мечь казалась легкой и вполне реальной. Вплоть до утра. Когда я вернулась домой, где меня встретил Антон и... вручил мне обручальное кольцо!

- Малыш, - усадил меня на диван и не обращая внимания на мой перегар, встал перед сожительницей на одно колено, и надел на мой палец золотое кольцо, - пожениться мы можем не успеть, но позволь мне хотя бы сделать тебе предложение...

Именно с той секунды мечь уже не казалась реальной. Я просто была обязана ее совершить!!! Четвертовать гада!!! Растоптать и вытереть об него ноги!!! Однако в тот день, лишь мило улыбнулась и приняла предложение.

- Я все решила, Антош, - добавила нежно, - я перепису на тебя квартиру.

- Ты серьезно? - ублюдок даже не скрывал своей радости, хоть бы постеснялся.

- Серьезно. Я только вспомнила, там некоторые документы надо собрать, это займет несколько дней, может быть, недели две. Но у меня же есть год, так?

- Конечно, конечно, солнышко!

Он так радовался. Даже чай мне сделал, умчался на кухню, подставив мне под ноги старый пуфик. Я осталась сидеть на диване и мысленно прикидывать, как мне охмурить неприступного Овчинникова. Если бы это было так просто, он бы уже давно был женат. А ведь кто только не пытался. Такие профессионалки, что говорить мне, с моим скудным опытом в сексе и серой внешностью. Однако я не собиралась убиваться, у меня была цель, и я должна была ее достичь. Мне не нужна его любовь. Это может быть деловое соглашение, только вот что я смогу ему предложить?

Решение пришло быстро. Я должна перетянуть на свою сторону Вадика Нечаева. Он, пожалуй, единственный, кто был способен мне в этом помочь. И я перетянула.

Оторвала голову от своих рук. Пропищал мой телефон, пришло сообщение.

«Таск фёст. У меня вечеринка на хате. С друзьями. Нас должен кто-то обслуживать, дуй в адрес».

Следом упал адрес. Овчинников. Задание первое. Отлично! Вечер я проведу не дома с Антоном, а в Москва-Сити. Это уже второй шаг к мести, от первого еще не совсем остыла моя попа, на которую я до сих пор не натянула трусики...

Глава 3

Тридцатый... Тридцать пятый... Сороковой...

Вот так, как я сейчас взлетаю на семидесятый этаж дома, где живет наш великий и ужасный Овчинников, мне, в скором времени, предстоит улететь на небеса.

Стоп.

Я не права. После всего того, что я планирую выполнить перед смертью, в рай меня не возьмут. Дадут пендель и еще в след поглядят, хорошо ли я лечу обратно. А я такая, еще и планировать в воздухе научусь, взмахну руками и крендель им вместо пенделя нарисую в облаках.

Семидесятый. Ламбада... В голове у меня ламбада. Интересно, что же для меня придумал Овчинников? Я даже рада тому, что придумала. Так бы утопала в слезах, а сейчас развлекусь как никогда в жизни. Наш Гриша очень много о себе думает. Ну, ничего. Я сделаю все, чтобы он теперь еще и обо мне много думал. По крайней мере, пока я на этой земле. И не спрашивайте меня, куда подевалась очаровашка с двумя высшими и откуда на ее месте взялась сучка я. Скажу вам лишь одно. Когда вдруг осознаешь, сколько тебе осталось – даже дышать по-другому начинаешь.

Поправила юбку и вышла из лифта, а дальше, виляя попой, прошла к двери без номера. Она здесь одна. А рядом крохотный звонок. Зачем он им? Внизу ведь

уже сообщили, что я поднимаюсь. Поправила свою и без того идеальную короткую стрижку, выпрямила спину, представила личико Антошки на моей своей свадьбе с Овчинниковым и нажала на звонок. Генеральный клоун подоспел! Начинаем, господа!

Овчинников

Григорий Александрович

- А что, еще гостей ждем, Гриша?

- Почти! - взяв бутылку портвейна со столика, я приложил его к губам, сделал парочку глотков с глубоким смыслом, отрыгнул и развалился на подушках своего неврот...бенно крутого дивана.

- Так что, открывать-то пойдешь? Уже достала звонить.

- Гришаня, давай я? Реально уши закладывает уже.

- Ох, бля, задолбали. Врубите музон погромче, нихай звонит. У порядочной бабы должна вырабатываться терпелка!!! Сереня, рубай по кнопке, пультец около телека!

Сереня, мой старый дружбан, оторвал зад от кресла, что я заказывал в Италии и дотащил себя до пульта. Отлично! Несколько нажатий на кнопку и дверной звонок перекрыла музыка. Хотела испытаний, пусть получает. Решила, секс на столе и постирушки в моем пентхаусе откроют ей все двери? Как бы не так! Гришу Овчинникова еще ни одна баба не сломала. Хоть и... Стоит признать, задница у нее ничё такая.

- Гриша, она тебе дверь выломает. Ты что за зверюгу пригласил?

- Ванек, не ссы! Пусть ломится. Дверь сломает, я ей награду выдам!

Я заржал. Ага, выломает. Задание первое – попасть в мою квартиру. А что она думала? Я развалился на подушках и вяло разглядывал своих корешей. Женитьба... Вот, что женитьба принесла моим школьным корешам? Сереня, допустим, был настоящим сорвиголовой. Грозой нашей школки, а теперь размазня. Чтобы притащиться ко мне домой, чисто так, побухать, у своей бабы целый месяц отпрашивался! Месяц!!! А она – то к родителям надо, то с детьми, то больной прикинется, то денег нет. Короче – каша, а не мужик. Ванек и того хуже. Если у первого только одна баба, то у этого сразу две. Одна официальная, другая подпольная. И обе раздирают дурачка напополам. При этом, оба заплыли жиром, пивас по вечерам дает о себе знать, оба ходят на работу от звонка до звонка. Серега, бородатый хрен, зрение начал терять, очки теперь носит, бабок на нормальную операцию нет, все на своей железке трудится. И Ванька туда же. Этому двух баб содержать, вон, даже носок на ноге сорок седьмого размера и тот дырявый. А две!!! Две бабы!!!

– Чё притих, Гришаня? – спросил меня Ванек, допивая из горла остатки водки. – Смолкла твоя гостья. Свалила, видать.

– Или свалилась, – заржал Сереня.

Я прислушался. И вправду стихла. Шо? Неужели реально сдалась? Хм... Жаль. А я уж было понадеялся на веселье. Хиленькая оказалась. И жопа у нее...

– Эй, Гришань, это не твоя мобила тренькает?

– Моя. С работы, наверное... Дай, там же, возле телека где-то!

Сереня уже во второй раз оторвал жирный зад от одного из кресел и взял мою мобилу из-под телека. Ессесна, не удержался и заглянул в сверкавший на все лады экран телефона.

– Ух ты ё бля!!! – прикрыв хлебало своей лапищей, дружбан уставился в экран. Его прямо пополам перегнуло. – А это же твоя дверь, Гришань?

– Чё там? Чё? – вскочил со своего места Ванек. Эти два хрена уже оба уставились в экран моего телефона, а сообщения продолжали падать. И что-то в этих сообщениях было такое, что заставило их обоих покраснеть от удовольствия и зажать жадные рты рыками.

– Да что ж вы блядь?! – я не выдержал и тоже оторвал зад от дивана. Нетвердой походкой дополз до двоих олухов и отобрал у них свою мобилу. Ну. Моя дверь. На фоне... А на переднем плане голые сиськи. Причем фотки продолжают приходить. Сиськи во всех ракурсах. И в анфас, и в профиль.

– Какие крутые сиськи! – выдохнул у меня над затылком здоровенный Сереня. Я всегда был самым мелким в их компании. Но и самым успешным, к слову.

– Пасть закрой.

– Гришаня, ты же сам велел мобилу принести, теперь чего обижаешься?

– Пасть закрой и сядь!

Я подтянул свои штаны от Лакр..., не от Лабу..., да хер его знает от кого и направился к дверям через все свои хоромы. Поскользнулся на слишком скользком каменном полу, но вернул равновесие, ухватившись за стенки. Твою мать. Как бык на льду! Что она там написала? «Ты же не заставишь их здесь мерзнуть?».

Нормальный способ дверь открыть. Ладно, лапа...

– Один ноль в твою пользу. Маша, – проворчал, отперев замки и распахнув перед ней чертову дверь.

– Полина, – поправила меня красотка, стоявшая в позе победительницы медной горы у меня на пороге. Красное платье развивалось над ее попкой, грудь, пригнавшая меня сюда, уже была спрятана обратно под чертово платье. Ну, может оно и к лучшему, не хрен пацанам глазеть на мое добро!

– Августина, – икнул, – бля! Заходи!

– Что это такое?

– А ты что, не видишь? Со зрением плохо, Мальвина?

– Нормально у меня со зрением, я не понимаю, что вы от меня хотите. И я Полина.

Мне удалось проникнуть в квартиру Овчинникова. Если данное жилище, почти во весь этаж площадью, можно назвать квартирой. Я так и поняла, что это была проверка. То, что он меня не пускал. Ладно, не беда. Ее прошла. Голая грудь и миллион фоток меня выручили. Стесняться нечего, со дня на день это тело благополучно закопают в землю, так что пользоваться им нужно, пока есть такая возможность. Шеф моего Антошки пустил гостью внутрь и не дав разуться, поздороваться со своими корешами, чьи голоса я услышала из безразмерной прихожей, сразу притащил на кухню. Прикольное помещение. Потолки под три метра, техника всякая новая, полы на которых мой великий босс поскользывается постоянно в своих замшевых тапочках от Версаче и... банка с тараканами, к которой он, собственно, меня сразу и подвел. Тараканы живые. Крупные такие, с палец большой величиной. Ползают, их там штук двадцать. Усами и лапками своими отвратительными шевелят. Я не испугалась. Грудь – это такая ерунда. Оказывается, мир сохраняет равновесие, пока закрыта крышка этой банки. И, очень на то надеюсь, закрыта плотно.

– Это тараканы, – отрыгнув, сообщил безбашенный босс и почесал, сквозь немного распахнувшуюся полу шелкового халата, наброшенного на голое мужское тело, свой живот.

– Вижу, что не бабочки, – смерила взглядом сначала его, а потом нехотя вернулась к страшной банке. Тараканы все ползали.

– Мадагаскарские. Ты хоть готовить умеешь? Или только титьками трясти перед камерой? – осведомился он у меня, тоже в ответку смерив взглядом.

– Умею. Но не тараканов.

– А придется. Значит так. Здесь по шкафчикам полазай – продуктов у меня тьма.

– И? – почувяв, что Овчинников сейчас прикажет что-то из разряда моих ночных кошмаров, напряглась бесстрашная я.

– И приготовь, чё? Удобоваримо. С пирожками, например.

Миллиардер взял банку, покрутил ее в руках, постучал одному прилипшему на ее стене таракану, призывая того посмотреть на себя и всучил банку мне!

– С пирожками? А без тараканов невкусно?

Столичный бизнесмен, чья фотография уже не один месяц отсвечивает у меня в туалете, вдруг наклонился ко мне, прикрыл ладонью рот и заговорщицки прошептал, озираясь на дверь:

– Ты понимаешь, я Мишке пари проиграл. Обещал сожрать этих, – он с отвращением ткнул пальцем в банку. Которую теперь уже я прижимаю к груди, обеспечившей мне пропуск в апартаменты самого черта. – Сожрать и снять на видео, как буду это делать. Так что, сделай с ними что-нибудь. И учти, ты в ужине участвуешь, так что уж постарайся. Замаринуй, что ли, – пожал Овчинников плечом и, щелкнув по банке пальцами, отправился на выход. Уже у дверей остановился, повернул башку ко мне и напомнил:

– Ты ж хотела, чтобы я женился на тебе. Ну, чё. Муж и жена – одна сатана. У нас с тобой все будет общее, и долги тоже. Вперед! И учти, Мишка должен видеть, что я эту мадагаскарскую хрень жру. Так что, не подкладывай фарш вместо них, не прокатит, он же еще экспертизу нашего кала закажет, с него станется. Не зря же он, министр... этого...

Гриша, он же, мать его, Гоша, покинул кухню и оставил девушку на каблуках и в коротком платье обнимать банку. Да уж. Ожидала я многого, но, чтобы такого...

А они все ползают. Жирные такие, с лапками.

– Та-а-ак. Давайте пока вы подождете здесь, – поставила банку на остров, расположенный посередине кухни. Оглянулась быстренько, нашла глазами бумажные кухонные полотенца, отмотала прилично так, метра три, и прикрыла частичку животного мира, невесть каким образом оказавшегося в Москва-Сити

на семидесятом этаже.

Как только живность была прикрыта разумной мной, сразу как-то полегчало. Так. Что теперь? Нет, от задания в жизни не откажусь. И от цели тем более. Хочет тараканов? Будут ему тараканы. Просто я их пока отложу. Временно. Мне же тесто надо приготовить, капусту. Словно подсознательно оттягивала момент разборки с белком в панцире, я взялась сама приготовить и тесто, и капусту, хотя имела возможность сделать что-то поскромнее. Благо после короткой инвентаризации в шкафчиках и двухкамерном холодильнике, действительно обнаружилось много продуктов. Море прямо. Да уж. Мой Антошка был бы счастлив оказаться на этой самой кухне. И не оказался. Однако я здесь. И трусливо подумываю о том, чтобы сбежать. Вот уже и тесто поднимается, капуста готова, я туда даже мясо покрошила, специй сыпанула. И все равно не могу представить, что эту гадость поможет заглушить.

Побродила по кухне. Сделала кругов десяток вокруг кухонного острова. Твою мать! Вспомнился демотиватор из сети, как большой человек смертельно боится маленького беззубого таракана. Твою. Же! Мать!!!

Скинула туфли. Открыла один из ящиков, в котором я уже успела заприметить упаковки с одноразовым барахлом. Вывалила все это на одну из столешниц. В конце концов, я сюда не убирать пришла, а тараканов готовить! Быстро перебрала содержимое и обнаружила одноразовый фартук, перчатки, нарукавники и даже что-то типа банной шапочки. Одно за другим, натянула на себя пластиковую защиту и последним завязала пояс фартука у себя за спиной. В памяти всплыл фильм об агенте 007. Ну, что? Я сильно подозреваю, что этот английский фронт не захотел бы сейчас поменяться со мной местами. А мне, что самое обидное, за это даже медальку не дадут.

Я уже вооружилась половником, которым планировала оглушить гадов одного за другим, когда где-то в моей сумочке, которую бросила на кресле у обеденного стола для прислуги, зазвонил телефон. Пришлось отвлечься. Бросилась к нему, как будто мне звонил сам Бред Питт. Или Басков, на худой конец.

– Але! – крикнула в трубку. – Але, Антон?

На какую-то долю секунды мне померещилось, что все это один большой кошмарный сон. Нет у меня никакой болезни, а у Антона любовницы. Но мою

иллюзию в такую же долю секунды разбил на осколки донесшийся из трубки телефона женский стон!

- Антон? - не веря тому, что слышу, неуверенно переспросила.

Стон повторился. Убрала трубку от уха и посмотрела на экран. Звонок точно шел с его телефона.

- Еб твою мать!!! - выпалив это, швырнула телефон, что было мочи и попала... в банку!

Раздался звон. Зубодробительный звон, поддержавший предшествовавший ему стон. Надеюсь, они кончили! Потому что это был их последний раз!!!

- Еб твою ма-а-ать... - протянула, наблюдая, как мадагаскарский деликатес дает деру, спасая свои душонки. Мне вдруг увиделось, что это Антон. Галлюцинация. Антон, который испуганно бежит после того, как видит мою свадьбу с Овчинниковым. У каждого таракана было его красивое лицо. Он смотрел на меня и, размножившись на двадцать мелких шестилалых экземпляров, разбежался по полу. И тут... меня понесло!

Забыв о половнике, которым планировала интеллигентно замочить тараканов по одному, я схватила с пола свою туфлю и бросившись к ближайшем беглецу, шандарахнула того по башке.

- Первый есть! - зловеще ухмыльнувшись, оставила еще теплый трупик на полу и вскочила на ноги. Следующих двух настигла на столе, потом погналась за тремя беглецами и, совершив подряд три удара ниндзя, оглушила и этих. - Вот тебе, дорогой Горошин!!!

Погнавшись за следующими двумя, решившими спрятаться под холодильником, поскользнулась, рухнула на живот, но гадов прищучила. И тут вспомнила свою любимую бабушку, земля ей будет пухом. Как она в деревне лупила домашнее зверье, то и дело норовившее выползти из-за печки. Все-таки я ее внучка! Бабушка у меня была мировая. Она бы этому Антону голову бы открутила, не стала бы сюсюкаться. Ну, ничего. Я тоже еще покажу зубки! Несколькими ударами своей туфли по двум другим тараканам, пополнила свою уверенность в успехе всего мероприятия.

Через минуту двадцать обморочных трупиков валялись, разбросанные тут и там, по эксклюзивному полу овчинниковской кухни. Вернув туплю на свои ножки, я нашла дуршлаг, собрала в него всех тараканов и засунула их под самую сильную струю горячей воды. Теперь деликатес надо промыть. Полегчало. Очень полегчало.

Полегчало так сильно, что, выкладывая в форму пирог, я напевала себе под нос что-то веселенькое. Нет уж! Это крутое блюдо не будет поделено на кусочки. Это будет Королевский тараканный пирог! О! Так его и назову. Или, лучше, пирог «Антошка».

Через сорок пять минут я вынула его из духовки. Переместив еще горячее произведение искусства на блюдо, скинула с себя фартук, шапочку, перчатки и, гордо выпрямив спинку, направилась вместе с ним в комнату к заскучавшим мужикам. Их оказалось трое. В большой зале на громоздких, вычурно дорогих диванах бухали дружбаны. Они встретили меня улюлюканьем и аплодисментами. Веселились до тех пор, пока я не водрузила на столик, под самые их носы, эту шикарную выпечку! Круглый пирог стандартной формы в двадцать два сантиметра. По каемочке румяная коса, а по всей поверхности торчат не менее румяные тараканы, воткнутые в пирог вместо свечей.

Увидев сию красоту, овчинниковские гости наклонились к угощению, принялись и... один из них рванул куда-то вон из комнаты. По пути он издавал неприятные звуки, напоминавшие реакцию беременной девушки во время токсикоза.

– Они ч-чѐ? – сглотнув, спросил второй друг. – Н-настоящие?

– Настоящие, – услужливо сообщила я и даже щелкнула одного из тараканов по башке. – Промыла, обварила, обжарила и запекла. Как заказывали!

Второго снесло. Овчинников остался сидеть и не дыша смотреть на то, что стояло перед ним. Я тоже на них смотрела, но, подозреваю, каждый из нас в данный момент думал о чем-то своем.

– Водку будешь? – побледнев до цвета дешевой муки, спросил мой босс в шелковом халате из-под пол которого торчали две волосатые ноги.

– Буду.

Шеф дрожащей рукой открутил крышку от одной из бутылок на столе. Взял он, правда, не водку, а виски, но, похоже, этого не заметил, и стуча горлышком о края рюмок, налил до краев. Одну протянул мне.

– Ну, – произнес он, как будто топиться собрался, – будем!

– Приятного аппетита! – поддержала Овчинникова и опрокинула стопку вместе с ним. После чего опустилась рядом на диван. Нисколько не смутившись, взяла валявшийся здесь же кинжал, которым мужики нарезали лимитированную колбасу из крокодила и красиво нарезала пирог «Антошка». – Видео снимать будем?

Овчинников еще раз взглянул на пирог, и опять потянулся за бутылкой.

– Не, давай еще по одной, – кивнул он и налил только себе. Опять дважды. Налил, выпил, и опять налил, и выпил. Потом выудил из кармана халата телефон, набрал кого-то, включил видеосвязь и показал тому, кто был на другом конце провода, мой пирог:

– Мишаня, смотри, как ты и заказывал. Твои, все до одного!

– Вижу. Только не верю, что ты их сожрешь, Гриша! Кишка тонка!

Я вздохнула, выхватила у Овчинникова трубу, повернула ее к себе и взяла первый кусок пирога. Откусила его с наслаждением вместе с тараканом, представляя, как вместо этого таракана, откусываю башку Антону. А он визжит, как та баба у него в телефоне какой-то час назад. Только она стонала от удовольствия, а он от адской боли!!! Откусила, невозмутимо прожевала и достала пальчиками зажатый в зубах панцирь.

– Твердоват, – вытащила элегантно и бросила здесь же на стол. Хлама тут и без меня было достаточно, мужики успели отдохнуть с сырами, колбасками и прочей хренью на закуску. Однако, сейчас я готова поспорить с кем угодно, моя закуска оказалась самой крутой! Эксклюзивнее некуда!

Повисла пауза. Лишь теперь я посмотрела на экран. С той стороны на меня глазел чуть офигевший мужик. Если бы не это дурацкое выражение лица, то можно было бы даже сказать, что он вполне привлекательный.

- Кхм, - откашлялся он во впечатляющих размеров кулак.

- Добрый вечер, - обворожительно улыбнулась ему. - Как дела?

- Кхм, - ему понадобился второй раз. - Девушка, не сочтите за наглость, если поинтересуюсь, как вас зовут?

- Полина, - хлопнув пару раз ресницами, сообщила министру, кажется. Хотела сказать еще что-то, но очнувшийся босс отобрал у меня телефон. Другой рукой он схватил кусок пирога и направив на себя камеру, откусил здоровенный кусок. Прожевал, теряя на ходу куски теста.

- Так нормально? - спросил он с набитым ртом Мишаню.

- Фу, Гриша! - ответил тот. - На тебя смотреть неинтересно, верни девушку в телевизор!

Я улыбнулась своим мыслям и почувствовала, как стало вдруг щекотно в нижней части моей левой лодыжки. Потянулась туда рукой и нащупала что-то на собственной ноге. По форме очень знакомое. Схватила это и подняла. Это был таракан. Единственный выживший. Он шевелил своими лапками и словно пытался что-то сказать. Мы смотрели друг на друга как два выживших идиота. Временно выживших. Рядом со мной что-то упало. Это был Овчинников. По моему, он отрубился, увидев вживую то, что перерабатывали его драгоценные зубки. В трубке, зажатой в его руке, хохотал Мишаня. А мы с тараканом заговорщицки переглянулись и подмигнули друг другу.

Через двадцать минут я выезжала с подземной парковки дома, где жил и спал в данную минуту Овчинников. Я обещала Антону вернуться этим вечером. Но не говорила, что вернусь не одна. Со мной поехал мой новый друг. Он сидел в моей сумочке на капустном листе и кажется устало задремал. Что ж. Этот вечер был нелегким. Но мы справились!

– Правда, Поля? – это я спросила не у себя, а у таракана. Очень надеюсь, что это она. Хотя я и не умею определять пол у тараканов. Надо будет купить ей прикольный домик или клетку. Хрен знает. Сколько нам обеим осталось. Сколько бы ни было – мы оба бойцы, а бойцы, идущие на смерть, в последние минуты должны получать лучшее!

Глава 5

Посреди ночи, ступая на каблуках по родному линолеуму, который стелили еще мои родители, втащила его в квартиру. Не Овчинникова, и даже не Горошина, как вы могли подумать, а большой террариум. То есть самый большой, который мне удалось найти в круглосуточном зоомагазине. Решила не откладывать на завтра то, что можно сделать этой ночью. Заехала за ценной покупкой по дороге домой. Спасибо тебе Москва, чудесный город, где самого дьявола можно достать в любое время суток! Самое интересное, я не старалась войти потише. По ходу уронила ключи, сумку, чуть не уронила себя. Антоша уже давно спит, любовницы здесь нет, в этом я уверена. Не стал бы он так глупо рисковать своим грандиозным планом.

– Тяжеленный, зараза! – выругалась себе под нос.

Волокла элитный коттедж для своей новой подруги прямо по полу и тихо надеялась, что не раздолбаю его в конец, пока дотащу до тумбочки у окна. Установить жилище для питомца решила в зале, там же и переночую. Не заставлю себя лечь рядом с Антоном. Не заставлю! Просто не смогу.

Переступая через порог комнаты, зацепилась каблуком за отклеившийся кусочек линолеума и, отправив пакеты с домиком, охренительной присыпкой и всякой такой ерундой в воздух, с грохотом рухнула на свою пятую точку. Который, блин, раз за сегодня! Обиделась. Антошка в дальней комнате так и не подал признаков жизни, а я обвела взглядом весь тот бардак, что устроила только что. Меланхолично подтянула сумочку, в которой у меня, помимо таракана, была припрятана украденная со стола у Овчинникова бутылка коньяка. Посмотрела на этикетку, ничего не разглядела в темноте, но позволила себе поверить в то, что пойло хоть чего-то да стоит и, открутив крышку, сделала парочку больших глотков. Полегчало.

Поднялась на ноги и дотащила террариум до места дислокации. Кряхтя, как старый пропитый насквозь дед, водрузила новое тараканье жилище на тумбочку, не забыв перед этим смахнуть с нее легким жестом руки вещички Антона. Его мобильник на зарядке, нашу общую фотографию и статуэтку с двумя ангелочками, которую нам подарили друзья на годовщину. Теперь на этом месте будет стоять коттедж! За основной частью подтянула и пакеты, разорвав к чертям упаковку, щедро высыпала опилки, посередине воткнула домик для золотой рыбки и включила внутренний светильник.

- Да будет свет!

Последним этапом было заселение мини Поли. Ее, сонную, осторожно перенесла вместе с капустным листом прямо на опилки и закрыла крышку.

- Да будет жизнь!

А потом я пила коньяк. В полной темноте, скинув туфли, пила коньяк прямо из бутылки, курила сигареты, которые тоже стащила из дома Овчинникова(знал бы Горошин, он бы все это под подушку положил и молился бы на данную атрибутику, как на святыню). И пела песенки. Неприличные песенки, коим самое время было быть. Танцевала и смотрела в окно на город, который всегда любила. Здесь прошло мое детство, время с родителями и, как бы ни было бы иногда плохо, наша семья была крепкой. Родители вложили в меня этот идеал существования, и я очень надеялась, что после их кончины, с Антоном мы будем так же сильно любить друг друга. Терпела его завихрения, терпела и не замечала минусы его поведения. Когда он откровенно сворачивал голову в сторону проходивших мимо длинноногих красавиц из провинции, когда отвешивал комплименты, когда позволял себе с другими более долгие поцелуи в щеку и объятия. Даже при мне. Терпела и в душе оправдывала, как только могла.

Дооправдывалась.

Чокнулась бутылкой со стеклом. Ну, ничего. Свадьба. Будет свадьба, дорогой мой. Тебе очень не повезло. С одной стороны, ты знаешь мои слабые места, но и я знаю твои слабые места. Ты очень завистлив. А еще ты очень любишь рисоваться перед другими. На отдыхе, на работе, делаешь селфи, выкладываешь все, вплоть до каждой мелочи. Я только одного не понимаю, как

же я раньше всего этого не замечала? Верила в принцев. Искала такого принца, каким был мой отец. Он не был богатым, но он всегда был рядом с моей мамой. И в болезни, и в здравии. Поддерживал во всем. Именно это делало его принцем. Именно на этом прокололась я. Когда встретила Антона, не обратила внимания на предупреждения знакомых, что он приезжий, что он мной интересуется только для того, чтобы нахалюва поселиться в столице, здесь же сумасшедшая аренда. Я считала это абсолютно нормальным и пустила его в свою жизнь, в свой дом. И в свое сердце. А теперь вот... Привет таракан Поля, фотка Овчинникова в туалете и скорая смерть в одиночестве. Ничего. Я, по крайней мере, умру с улыбкой на лице! Слез он от меня не дождется!

- Полина. Поля... Полина, просыпайся! Ты что здесь натворила?!!

Пробуждение пришло вместе с причитаниями Антона. Я с трудом разлепила накладные ресницы, которые успели съехать с моих век, потому что я елозила лицом во сне по подушке. Очнулась на диване в зале. Оказывается, отключилась прямо как была, в платье, с бутылкой в руке, носом в подушку. Взгляд зацепился за террариум. Мини Поля тоже проснулась и уже активно изучала коттедж. Ага – значит, это не сон.

- Что это такое?! Ты курила?! Пила??? Телефон мой сбросила на пол!!! Ты же экран разбила! Елки, ты зачем так напилась?!!

Мои губы скривились. Никогда не замечала, что мой красавчик Антон такая зануда. Надо же! Телефон любя подобрал с пола, разглядывает, обнюхивает, жив ли. А наша фотография так и валяется и никого не заботит. Ну и черт с ним!

Я подтянула бутылку, сделала глоток и, оставив ее на полу и вместе с ней «немного» удивленного гражданского мужа, кое-как поднялась на ноги. Пошатываясь во все стороны, направилась в душ. Интересно, а где я вчера оставила машину?

На сборы ушло больше времени, чем обычно. Антоша стучал в дверь ванной. Кричал что-то, на тему, что мы опаздываем. Стучал рукой, ногой, жаль, что не головой. Я была увлечена собой. Да, перемены на лицо. И на лице. Раньше никогда так ярко не красилась на работу. Теперь крашусь. Мне же скоро замуж! Уложила короткие волосы, полюбовалась тем, как меня здорово покрасили – давно хотела черные корни и при этом оставаться блондинкой. Сделала стрелки.

Губы получили порцию красной помады, а щеки румян. На тело натянула сексуальное нижнее белье. Сегодня решила обрадовать шефа и своего жениха узкими джинсами с высокой талией и кучей пуговиц на месте молнии, а также прозрачной блузкой цвета слоновой кости и новыми каблуками. Столько секса и разврата в одной мне еще никогда не было. Я всегда это считала ниже своего достоинства. Порядочная девушка должна блистать умом, а не задницей. Но Вадик Нечаев велел обо всей этой ерунде забыть, если я хочу достичь своей цели. А я хочу!!!

Машину я нашла. На тротуаре, прямо на газоне у тети Лиды под окном. И штраф на лобовом. Чертыхаясь по дороге, докатилась до офиса и там, криво припарковавшись, как настоящая блондинка, схватила с сиденья красный клатч и поковыляла на работу, где все началось... не как обычно! На входе в кабинет меня ждали коллеги. Я делю рабочее пространство с двумя бухгалтерами, женщиной, которая годится мне в мамы, Яковлевой Александрой Родионовной и моей одногодкой, Титовой Елизаветой Андреевной. И одна и вторая всегда смотрели на меня свысока, потому что кто-кто, а они знают толк в моде. Первая, не смотря ни на годы, ни на сорок шестой размер ноги, одевается в приталенные платья, очаровательно подчеркивающие ее выдающийся живот и всегда блюдет свою прическу, на укладку которой тратит большую часть своего утреннего времени, завтракать по сей причине не успевает и активно делает это на работе, давно уже пропитав стены нашего кабинета ароматом шоколада с маком. Вторая коллега тоже любит приталенные платья, но она может их себе позволить, с ее потрясающей фигурой, глазами цвета корицы и длинными волосами, многие в нашем офисе согласны с ее вкусом в одежде. И мой Антон не исключение. Со вчерашнего дня и я дополнила этот цветник, хотя раньше считала себя белой вороной, в хорошем смысле этого слова.

Белые розы. На моем столе стояла круглая коробочка с сотней белых роз. Все это счастье было перевязано шелковой розовой лентой.

– Громова, опоздала! – Александра Родионовна посмотрела на меня поверх своих очков, на душке которых маячила яркая надпись PRADA.

– Тут тебя спрашивали, – Лиза встретила меня чуть добрее.

С недавних пор коллега запуталась в том, как ко мне относиться. Если раньше это было сдержанное пренебрежение, то теперь, такое ощущение, она сбита с толку. О своих планах и личной жизни я ни с кем, кроме Вадика, не делилась,

поэтому мои необычные и непривычные превращения для них выглядят, как я полагаю, несколько ненормальными. Ну и пусть думают, что сошла с ума. Для меня это уже не имеет никакого значения.

Женщины пропустили меня в кабинет, а сами застряли на входе за моей спиной. Я тоже не успела присесть на рабочее место, потому что в коридоре, по которому только что доковыляла до кабинета, раздался громкий и весьма требовательный мужской бас:

– Где эта красавица?! Где этот кабинет, я не понимаю! Овчинников, хоть бы на таблички на дверях расщедрился!!! У-у-у, жмот! Женщины, не подскажите, где здесь бухгалтерия?

Я обернулась на голос ровно в ту секунду, как мои коллеги расступились, пуская в наше рабочее помещение незнакомого мужика. Ну, как незнакомого? Я его уже имела счастье видеть. Вчера, на видео, когда с аппетитом поглощала на камеру пирог «Антошка».

А в жизни он лучше. Этот министр. Лет сорок, сорок пять. Может быть, немного уступает Антону в росте, зато в плечах он эту разницу компенсирует. Достаточно подтянутый, в деловом костюме благородного темно-синего цвета, золотые часы на волосатом запястье, перстней не меньше, чем у моего шефа, а может быть, даже побольше. Светленький такой, настоящий сибирский мужик.

– А вот и она! – прогремел радостно министр. – Я смотрю, и цветочки уже успела получить? Ну, привет!

Его руки схватили меня за талию раньше, чем я что-то успела вымолвить. Тяжелое похмелье еще не отпустило, да и оторопелость от общей ситуации добавила изюму в мой мозг.

– Помнишь, как меня зовут? – министр дынул на меня запахом эксклюзивного кофе. – Михаил Дмитриевич. Обойдемся пока без фамилий. А ты, Полина, в жизни лучше, чем в телефоне! Пойдем-ка, я тебя булочкой угощу, не бойся, нормальной. С мясом, – министр хохотнул в свой безразмерный кулачище, так за талию и вытащил меня из кабинета, под аплодисменты, совершаемые ресницами моих пораженных коллег.

Глава 6

Сто шагов и сто удивленных взглядов! Помнится, до недавнего времени, я сама имела счастье быть среди тех, кто вот так с завистью, с ненавистью наблюдал за девушками в коротких юбках, которым удавалось за счет своей красоты получить расположение начальства. Офис Овчинниковского мясокомбината – штука достаточно неприступная. Наш шеф не имеет привычки кого-либо замечать и выделять. Даже если заметит, ножки быстро вытрет, попользуется и выбросит. Это касалось всех «счастливиц». Но, несмотря ни на что, количество желающих лишней раз попасть в его для всех закрытый кабинет с годами лишь увеличивалось и сие событие считалось необыкновенным счастьем.

Министр обнимал меня за талию и провел через весь этаж прямо к кабинету Овчинникова. Улыбался и шептал что-то мне на ушко.

Я прочувствовала каждый свой шаг и каждый взгляд, обращенный на меня коллегами по цеху. В этих взглядах отчетливо читалось: «Какого х...ра она?!!». Я не питала иллюзий и никогда не подражала остальным, не стремилась пройти по красной дорожке в пещеру великого начальства. И – пожалуйста! Я шагаю туда на каблуках, да не сама, меня ведут под белы ручки! Самое забавное, это была не моя мечта. Об этом грезил Антон. Не знаю, как насчет того, чтобы его обнимал за талию министр и шептал на ушко что-то о сексуальном интересе(хотя, уверена, и от такого он не отказался бы), но попасть в кабинет к Овчинникову на утренний кофе, сто процентов было его мечтой.

И... я здесь! Министр втащил меня в кабинет, где сам Овчинников лежал на кресле, откинув голову и прикрыв ее газеткой. Начальство имело удовольствие спать, а не работать. Похмелье мучало не только меня.

– Гриша! Хватит дрыхнуть!!! – сообщил о своем появлении министр, втащив в помещение меня на каблуках и громко хлопнув дверью. – Я к тебе по делу!

Григорий Александрович стянул газетку с небритой физиономии и продрал глаза, с целью увидеть, кто же это посмел потревожить его чуткий сон. Овчинников явился на службу, слава богу, не в халате, а в приличном деловом костюме, не имевшем постыдной привычки мяться. Как его лицо, к примеру.

Выглядел Гриша не лучшим образом. Подозреваю, после моего ухода, он оприходовал остатки спиртного, поэтому мы с ним сегодня были в этом плане почти на равных (делаю себе скидку за неопытность).

- По какому еще делу? – проворчал Овчинников, оставшись лежать в кресле, по максимуму отклонившись на спинку и упокоив свои ноги в ботинках с нестертой подошвой поверх важных документов на его столе.

- Мне понравилось, как ты вчера вышел из спора!

- Ну, – буркнул Овчинников, зыркнув на меня из-под куцых ресниц.

- Предлагаю тебе еще кое-что.

- Ну.

- Помнишь, ты хотел магазинчик, палаточку в центре открыть? На пару десятков лимончиков? А?

- Ну.

- Ну, я подпишу тебе разрешение, если отдашь мне эту пташку. И даже денежку не попрошу. Считаю, я сегодня добрый, потому что влюбленный!

Стрела далеко не амура проткнула мой замутненный стремительно развивающимися событиями разум, и я тихонечко высвободилась из теплых рук министра. Никем не остановленная, доковыляла до скромного столика в углу помещения, на котором были расставлены спиртные напитки, собранные со всего света. Вкус веселья из любой страны был представлен на этом маленьком стеклянном островке. Хочешь Аргентину, хочешь Калифорнию, хочешь, что хочешь.

- Овчинников, я не шучу! – тем временем, где-то за моей спиной, торговля за мое тело продолжилась. – Давай ударим по рукам, мы с Полиночкой уезжаем, а завтра я подписываю тебе все разрешения, которые ты уже полгода от меня ждешь.

У нормальной, приличной(хотелось бы это особенно подчеркнуть) женщины подкосились бы ножки, похолодело бы в затылке и голова бы закружилась от мысли, что вот прямо сейчас ее продадут какому-то министру и он будет волен делать с ней все, что пожелает. Овчинников мог. По крайней мере, слухи о нем такие ходят. И за меньшее. В центре палаточку открыть... Мы в бухгалтерии знали, что это за «палаточка». В центре... С видом на Кремль. Речь шла о миллионах и совсем не рублей.

Позади раздались шаги. Судя по звукам, владелец мясокомбината слез со своего кресла и направился ко мне. Я взялась за горлышко первой попавшейся бутылки, вроде бы это была текила. Взяла бокал для вина и плеснула туда щедро непонятного напитка, а тем временем, Григорий Александрович оказался совсем близко и его угрожающий шепот резанул мое ухо:

– На шлюхе не женюсь, – заявил мне он, выхватил бутылку с текилой и себе плеснул хорошенько в кружку из-под кофе, с которой подошел к заветному столику. А вслух заявил:

– Я не торгую людьми, Мишаня. Тараканов сожрать – это одно, а работорговля не в моих принципах.

– Не в твоих? А что же тогда в твоих? Не расстраивай меня, Гриша. Ты только подумай, сколько сможешь сэкономить и уже этот Новый год отпразднуешь с открытием в самом центре. А?

– Согласен, перспектива заманчивая, – крикнул Овчинников, повернувшись к столику задом и уперевшись в него им, а в меня своим внушительным плечом. Овчинников отхлебнул из кружки мексиканского пойла. – Пусть девушка сама решает. Если она хочет пойти с тобой, я отпущу, а ты подпишешь разрешение. Если нет – то думай другое развлечение.

Я судорожно соображала. В голове скрипели все винтики и болтики, пересохшие вусмерть от ночных приключений хозяйки тела. Что же делать?! Овчинников явно хочет заполучить этот магазин, об этом весь офис знает. И то предложение, которое министр только что озвучил, хоть и звучало в довольно легкомысленной форме, было серьезным в прямом смысле. Переспать с министром? После событий последних дней и с моей перспективой на жизнь, которой нет – для меня это не проблема. Скорее новое приключение. Только вот Овчинников мне

этого не простит, как он уже красноречиво дал понять, и тогда цель моя тоже резко изменит свое направление. Но мне это не нужно!!! Что же делать... Что же... Другое развлечение...

- Секс, тараканы – это так скучно, – услышала свой беззаботный голос, буквально прозвеневший в воцарившейся тишине дворцового кабинета московского мясного магната.

- Скучно? – усмехнулся министр. – Ты еще не знаешь, крошка, как со мной может быть весело...

- Давайте пари! – смело перебила я высокопоставленное лицо и, развернувшись передом к «покупателю», тоже отпила текилы из своего бокала, который из-за дрогнувшей руки, наполнила до краев.

- Пари? – удивился мой шеф.

- Пари? А что, ты права! Это веселее! Я, пожалуй, никогда не забуду твоего обморока, Гришаня! Это было зачётно! Эпичное падение на подушки с тараканьей башкой меж твоих зубов!

Министр откровенно заржал, даже голову назад запрокинул от удовольствия.

- А давай, – поддержал Григорий Александрович, недовольно глядя на своего приятеля. – Придумывай.

- А чё тут придумывать? – резко остановился министр и, хитро прищурившись, окатил меня взглядом, от которого заledenели даже мои каблуки. – Ты же любишь прыгать. Ну, так, спрыгни с этого домика. Как это называется? Бейсджампинг? Парашют я тебе ставлю. Любого цвета, красненького, зелененького или, может, прозрачный?

- С этого? – переспросил тот, с кем я стояла плечом к плечу.

- С этого, – показал указательным пальцем вверх министр. – Но, не обольщайся. Сделаем чуть сложнее, прыжки ты любишь, для тебя это не пари. Прыгаешь сегодня с парашютом. Голым, Григорий.

– Ты, Мишаня, хочешь, чтобы я яйца застудил? – проворчал Овчинников и сделал еще один глоток из своей кружки, в которой плескался прозрачный сорокаградусный кофе. – В этом твоя развлекуха?

– Не, Гришаня. Яйца твои, уж прости, не стоят тех миллионов, на которые мы спорим. Их тебе эскулапы в два счета вылечат. Или новые пришьют! – заржал над своей шуткой министр. – Не, ты прыгаешь голым с этого домика. Днем, да в обеденный перерыв, пусть твои работники наблюдают начальника во всей красе. А чтобы тебе не было скучно, Полиночка прыгнет в связке с тобой. Тоже. Голенькой. Ну, или у красавицы второй вариант – просто пойти со мной. В том или ином случае, я подпишу бумаги. В первом, согласен, будет веселее.

Я посмотрела на бокал в своей руке. Туман в голове не рассеялся, а наоборот, стал более густым, едким, лишаящим чувства реальности, которое я уже давно потеряла. Покосилась на Овчинникова. К своему удивлению, обнаружила в наглых карих глазах полнейшее удивление и даже разочарование. Похоже, не услышав еще ответ от меня, он решил, что выберу я постель. В тот момент какой-то очень далекий уголок сознания резанула мысль, что моему безразличному ко всему шефу очень не хочется, чтобы я с кем-то спала. С кем-то, кроме него. В тот момент я эту мысль не заметила. Выделила только разочарование. И неправильное решение пришло мгновенно.

Я шумно выдохнула, задержала дыхание и ухнула залпом половину бокала белого мексиканского лимонада.

– Во сколько прыгаем? – вместо выдоха и кашля, мой голос мужественно не дрогнув, ответил мужикам сразу и на все их вопросы.

Глава 7

Текила, водка, текила, вино, ликер, ликер, водка.

Лифт.

Лифт, еб твою мать!!!

Никогда не думала о том, кем был тот мудак, что спроектировал данную кабину. Это ж в какую больную голову могло прийти по всему периметру размесить зеркала в полный рост?! Чтобы я возможность в свое удовольствие наглядеться на свою испуганную до смерти физиономию? Или на трясущиеся руки, ноги, каблук и даже набойки на них?!!

Я слышала, есть какие-то таблетки или сироп, что ли, который можно выпить и не запьянеть после любого количества алкоголя. Мне эта дрянь не нужна. Ни в одном глазу. Ни в одном глазу, слышите? Мы с Овчинниковым стоим бок о бок в зеркальной, мать ее, кабине. Он пьяный, я нет. Напротив министр. Улыбается. Гад.

– Полиночка, красота моя. Ты еще можешь передумать. Я как раз пьян и готов отвезти тебя в теплую постельку.

Моя голова делает трезвый, но не слишком ровный поворот в сторону Овчинникова. Он в этот же момент совершает тот же маневр, но в мою сторону. Босс, сдвинув грозно брови, бросает на меня тяжелый взгляд. Понятно, бл...

– Спасибо, Михаил, – отвечаю, как мне кажется, с достоинством английской королевы, – но я сейчас буду рада освежиться. Погода летняя, настроение отличное.

– Я вижу, – усмехается министр.

Его бы самого скинуть со здания с голым задом и с тараканом в зубах. Если еще выживу, непременно придумаю, как отомстить. И Овчинникова подговорю. Мы теперь в одной связке. Совершим многомиллионный прыжок над моим родным городом и на потеху всем коллегам. Единственное, за что я благодарна Григорию, он выполнил мою просьбу – выслал Горошина срочно из офиса, а сотрудникам запретил конкретно ему сообщать мое имя и снимать на телефоны. Всю электронику при входе на крышу будет конфисковывать охрана мясокомбината. Теперь я могу быть счастлива, весь офис в курсе... Об этом мне сообщил Вадик Нечаев, который выловил меня в женском туалете в тот удачный момент, когда на мгновение отлучилась пописать между текилой и вином.

– Эй, эй, детка! – схватил он меня под локоток, не дав толком захлопнуть дверь кабинки за собой. – Ты что это, зазналась? С Вадиком совсем не разговариваешь?

Это было после громогласного сообщения всему офису, поступившего от Овчинникова. Ажиотаж успел захватить все этажи здания и, больше, чем уверена, просочился даже на сам комбинат. Под страхом увольнения и личного преследования от начальства, все должны были умолчать обо мне, не о самом событии, только Антону. Сие обстоятельство пробудило следующую волну:

- Ты знаешь, пупсик? Весь наш офис ставки делает! На тебя и на Овчинникова!

Я икнула, потом еще раз и, дернув кран наверх, включила холодную воду. Тогда мне казалось, что уже достаточно напилась и мне море по колено. Море волновалось, звуки вокруг были приглушены и все почти затихло. Даже Вадиков было несколько.

- Фу-у-уф... - выдохнув, зачерпнула воды и промокнула лоб.

- Эй, эй, ты поаккуратнее! - завизжал где-то далеко Нечаев. - Не попорть свое личико! Тебе еще перед всеми нашими выступать! - идеальный мужик на каблуках перехватил мое запястье и стряхнул с него воду обратно в каменную раковину. - И не думай даже! Я уже всем рассказал, что ты - мое творение! А ты слышала, что говорил сам? Какие слова в твою сторону бросал? Лучшая сотрудница мясокомбината, которая ради компании готова на все. Наши теперь в курсе, что ты, скромный бухгалтер, готова пойти на такой поступок, чтобы сэкономить нашему предприятию миллионы долларов. Вот как! Я поставил на тебя, лапуля! Того и гляди, повесят твою мордашку на доске почета!

Как жаль, что опьянение, которое было у меня в тот момент у зеркала(когда именно из-за него и по его причине я не врезала совершенно по-мужски гогочущему Нечаеву) покинуло меня прямо перед самым событием. Всегда боялась этого, всю жизнь, но сейчас буквально молилась, чтобы зеркальный лифт застрял. Или сломался, тросы оборвались, и он рухнул вместе с нами в шахту. Лучше сейчас и принудительно, чем через пять минут и по доброй воле прямо с крыши. Овчинников боится не так сильно. Скорее беспокоится по поводу обморожения своих гениталий и моего страха. А вот я как раз боюсь! Мне, бесспорно, в любом случае, осталось недолго. Но, бл... Я бы предпочла просто уснуть и не проснуться, а не сигануть с пьяным голым мужиком с крыши здания, в котором проработала последние несколько лет.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/egorova_yana/ya-suchka-stolichnaya-shtuchka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)